

Бедное сердце “короля танго”

Не припомню таких оваций в Рижском русском театре имени Михаила Чехова, как на премьере “Танго между строк”: зрители долго не отпускали актеров, словно спектакль можно было повторить на бис.

Это постановка о легендарном “короле танго” Оскаре Строке, родившемся в Динабурге. Вернее, о его музыке, ставшей поистине народной. О музыке, которую слушали и напевали влюбленные и ревнивцы, буржуа и комсомольцы, солдаты и офицеры, члены советского правительства и заключенные — чаще всего даже имени автора не зная...

В РРТ все совпало чудесным образом: и внешние обстоятельства — нынешняя увлеченность общества танго, интерес к ретро — и внутренние: наличие в труппе так похожего на Строка замечательного актера Якова Рафальсона и опыт постановки музыкальных спектаклей — и в самом театре, и у режиссера Игоря Коняева.

Пьеса была заказана Алексею Щербак. “Мне очень не хотелось превращать жизнь Оскара Строка в биографию... Не хотелось обвинять или оправдывать время. Все ведь куда-то уходит, когда слушаешь танго. Танго, где танцует душа. Теплая, ранимая и как-то по-большому неприкаянная... Хотелось об этом”, — рассказывает в программке драматург.

Его “музыкальная фантазия”, написанная лаконично, не увязывающая в многословии, оказалась превосходным материалом, оставляющим место и для стильных, с балетной виртуозностью исполненных танцев (хореограф — Мария Кораблева, Россия), и



▲ Яков Рафальсон в спектакле “Танго между строк”. Все билеты до конца сезона распроданы.

для вокальных эпизодов (музыкальный руководитель — Людмила Могилевская). Недаром центральная хореографическая партия отдана солистке ЛНО Айше Силе, а на роль знаменитых Петра Лещенко и Константина Сокольского приглашен Евгений Шур с его дивным сладковатым тенором. Именно он и споеет знаменитые “Ах, эти черные глаза”...

Любовь и печаль, нежность и страсть, тихая грусть и тонкий юмор наполнят зал, как только с хрипловатой патефонной пластин-

ки, бережно поставленной Стромом, прольются звуки далекого щемящего танго. Раздвинутся и перевернутся большие экраны (сценограф — Алексей Порай-Кошиц, Россия), обнаружив с обратной стороны огромные зеркала: возможно, это метафора отражающегося в них времени. В глубине сцены появится крытая платформа вокзала, на которой соберется вся большая семья маленького Оскара. Позже платформа снизу вспыхнет огнями, превратившись в эстраду, а на ее крыше заиграет

живой оркестр. Так и будут проходить воспоминания — между вокзалами и эстрадами, между странствиями по всему свету и чувствами, вырывающимися музыкой из самого сердца.

Музыкальные номера — визуально решенные то в нежных романтических тонах, то в цыганско-красных, то в черных, аскетичных или зловеще-шикарных (художник по костюмам — Илзе Витолина), — так плотно и логично встроены в фабулу, в ткань спектакля, что, кажется, и не могут существовать вне его контекста, не утратив чего-то главного.

Это главное — настроение, атмосфера, которую удалось создать на сцене и пронести через все действие, не расплескав по дороге ни капли. Здесь все как в танго: три страстных шага и резкий поворот. И столько напряжения, психологической глубины, столько невыразимых словами переживаний, ассоциаций!

Взлеты и падения, цельность характера и способность к компромиссу, мудрость и наивность, триумф славы и боль одиночества, гордыня и смирение, унижение и высочайшее достоинство — все уместил Яков Рафальсон в своем герое. Он был и праведник, и грешник, и на вопрос Фурцевой, не Бог ли диктует ему, ответил: “Сам пишу. Бог Моцарту диктовал”...

Вот маленький Строк играет на воображаемом рояле — и ничуть не смущает возраст: Яков Рафальсон — озорной мальчишка, а потом застенчивый, но не лишенный бойкости и честолюбия юноша. Его первый диалог с будущей женой Луизой — трогательный и комичный — преисполнен такого невинного восторга, такой чистоты...

У Вероники Плотниковой в роли Луизы — прекрасный вокал

и очень стильное исполнение при точном попадании в образ эмансипированной, просвещенной барышни начала XX века, а затем глубокое, с мельчайшими нюансами проработанное, психологическое его развитие, от какой-то звонкой юной наивности, через гордыню обеспеченной дамы до высочайшего смирения и веры в свою единственную любовь.

А вот другая возлюбленная Строка, Лени из Валмиеры, в исполнении Анастасии Тимошенко вызвала недоумение у зрителя. Все как один вопрошали: “Неужели “Черные глаза” посвящены ей, вульгарной проститутке?” Как бы то ни было, Тимошенко, скорее, играет собирательный образ всех дамочек, пленявших воображение Строка, а потому, не останавливаясь долго на этом драматическом для семьи моменте, постановщики переходят к следующим эпизодам.

Они не менее интересны. Чего стоит один только диалог Строка со следователем КГБ! Игорь Чернявский великолепно, даже любовно живописал хозяина жизни, демагога и чревоугодника, садиста и тайного извращенца, да еще и заливчато “забацал” в финале “Мурку” — великий гимн криминала. Удалась и колоритная фигура министра культуры Фурцевой (Галина Российская) — царицы-благотельницы, опрокидывающей стопарики и позволяющей сентиментально потрафить годам своей молодости, исполняя “Былое увлечение”. И осыпан бы был чудо-дарами 30 лет как опальный композитор, да не успел...

Комок подступает к горлу, когда все участники спектакля поют “Спи, мое бедное сердце”. Строк не только к своей жизни, но и к смерти подобрал ноты.

Ольга ГУДИС